

Страницы истории

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-28-43

Федор Александрович ГАЙДА

Исторический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27-4, Москва, 119991, Российская Федерация
fyodorgayda@gmail.com

Российский либерал начала XX столетия в политике

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются политические взгляды и практика российских либералов в начале XX в. Значение научной проблемы определяется тем, что политическая судьба России этого периода напрямую зависела от выстраивания конструктивных отношений власти и общества. Значительное влияние на образованную общественность оказывали либеральные идеи. При этом важнейшим условием возможности их применения в отечественной политической практике становилось конструктивное сотрудничество самих либералов с правительством. В статье рассмотрен политический опыт двух крупнейших либеральных политических партий – кадетов и октябристов. Автор приходит к выводу, что российский либеральный политик начала XX в. так и не смог выйти из амплуа идеалиста-оппозиционера и стать способным к признанию существующих реалий и необходимости политических компромиссов, которые часто воспринимались как признак бессилия или аморальности. Политические сделки были тактическим приемом, направленным на безоговорочную победу в будущем. Идеиные схемы воспринимались оппозицией как непре-

рекаемая ценность. Себя либералы воспринимали как единственную силу, способную вывести Россию на верный, «цивилизованный» путь. По мнению либералов, этот путь был неизбежен, поэтому при любых обстоятельствах либеральное движение должно было сохранить свою ведущую роль. Весной 1917 г. либеральная оппозиция смогла одержать победу над своим историческим врагом (самодержавием), но сохранила власть весьма ненадолго. Слом государственной машины, которую и сами либералы не собирались сохранять, привел их к поражению. Тем самым государство оказалось единственным гарантом существования либерального движения в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российское либеральное движение, Государственная дума, кадеты, октябристы, Февральская революция 1917 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гайда Ф.А. (2017). Российский либерал начала XX века в политике. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (6). 28-43. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-28-43

Pages of History

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-28-43

Fyodor A. GAYDA

Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
27-4, pr. Lomonosovskiy, Moscow, Russian Federation, 119192
fyodorgayda@gmail.com

Russian Liberal of the Beginning of the 20th Century in Politics

ABSTRACT. *The article examines the political views and practices of Russian liberals in the early twentieth century. Russia's political destiny of this period directly depended on building constructive relations between the authorities and society. Liberal ideas had a significant impact on the educated public. At the same time, the constructive cooperation between the liberals and the government was the most important condition for the possibility of application of these ideas in domestic political practice. The article examines the political experience of the two largest liberal political parties in Russia – the Cadets and the Octobrists. The author comes to the conclusion that the Russian liberal politician of the early twentieth century could not get out of the role of an idealist oppositionist. He was incapable of recognizing the existing realities and the need for political compromises, which were often perceived as a sign of impotence or immorality. The liberals perceived themselves as the only force capable of bringing Russia to the right, «civilized» path. In the opinion of the liberals, this path was inevitable, therefore, under any circumstances, the liberal movement should have retained its leading role. In the spring of 1917, the liberal opposition was able to defeat its historical enemy (autocracy), but retained power for*

a very short time. The slaughter of the state machine, which the liberals themselves did not intend to preserve, led them to defeat. Thus, the state was the only guarantor of the existence of a liberal movement in Russia.

KEYWORDS: *Russian liberal movement, the State Duma, the Cadets, the Octobrists, the February Revolution of 1917*

FOR CITATION: Gayda F.A. (2017). Russian Liberal of the Beginning of the 20th Century in Politics. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (6). 28-43. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-28-43

Политическая судьба России начала прошлого века напрямую зависела от выстраивания конструктивных отношений власти и общества. Значительное влияние на образованную общественность оказывали либеральные идеи. При этом важнейшим условием возможности их применения в отечественной политической практике становилось конструктивное сотрудничество самих либералов с правительством.

Сформировавшаяся в России во второй половине XIX в. либеральная традиция предполагала тесную и органичную связь с консерватизмом: в тер-

минологии признанного идеолога этого направления Б.Н. Чичерина такой либерализм именовался «охранительным». По сути, «охранительный либерализм» был развитием консервативного мировоззрения в новых условиях быстро развивавшейся страны. «Прогресс и свободы» были призваны на службу государственным и общественным «основам». Такой либерал настаивал на творческом развитии «органических начал», которое требовало высвобождения каждой отдельной личности и создания условий для ее самостоятельного существования и активной деятельности. Основной ценностью в рамках подобных представлений была «нравственная личность». Либеральный мыслитель и публицист А.Д. Градовский отмечал: «Для человека с волею, разумом и сердцем всегда будет дорого слово старого философа – *perfecte!* (совершенствуй себя)» (Градовский, 2001, с. 412). Представители «охранительного либерализма» не предполагали противостояния государству, наоборот, рассчитывали на плодотворное сотрудничество с ним. «Отличительная особенность русской истории в сравнении с историей других европейских народов состоит в преобладании начала власти», – писал Чичерин (Чичерин, 1998, с. 452). Великие реформы Александра II, предполагавшие широкое социально-экономические изменения и развитие политического строя, имели целью упрочить существующий государственный порядок и получили живое сочувствие представителей «охранительного либерализма»; многие его представители приняли в реформах самое активное участие.

Тем не менее параллельно этому направлению в России формировалась и традиция «освободительного либера-

лизма» (также термин Чичерина). Он стал следствием разочарования в реформаторских усилиях власти и уверенности в бесплодности сотрудничества с ней со стороны либералов. Наиболее яркой фигурой среди радикальных либералов стал И.И. Петрункевич, впоследствии ставший признанным моральным лидером кадетской партии. Уже на рубеже 70-80-х гг. XIX в. Петрункевич предполагал необходимость превращения России в парламентскую демократию на основе всеобщего избирательного права. Смена политического строя, по мнению политика, была возможна при объединении усилий земства и социалистической оппозиции. Петрункевич не призывал к революционному терроризму, но и не осуждал его, полагая, что усилия левых будут способствовать борьбе за конституцию (Петрункевич, 1993, с. 96-112).

Почва для дальнейшего развития радикальных настроений была создана в конце XIX в. той атмосферой, которая сопутствовала политическому курсу Александра III. Общество оказалось отстранено от участия в политическом процессе, что провоцировало не только рост недовольства, но и интерес к утопическим проектам переустройства страны. Бурное экономическое развитие лишь усиливало представления о возможности быстрых и коренных перемен. Молодое поколение воспринимало эпоху восьмидесятых годов как «угрюмое» время (Тыркова-Вильямс, 1998, с. 142)¹. Член кадетского ЦК А.В. Тыркова вспоминала: «Власть подвела под общее понятие неблагонадежности всех, кто позволял себе слишком откровенно высказываться о народных нуждах или критиковать правительство. Правительство боялось людей с инициативой, рассчитывало справиться

1 См. также (Маклаков, 1936, с. 5-6, 27-28).

ся со всеми государственными задачами при помощи чиновников» (Тыркова-Вильямс, 1998, с. 142). При этом, как считал будущий глава Временного правительства кн. Г.Е. Львов, не доверяя обществу, сама власть реально-го положения в стране не знала. Ответная реакция общественности была соответствующей: «Оба лагеря, правительственный и оппозиционный, были одурманены, ослеплены предвзятыми идеями и предрассудками. Слепота правительства отвечала слепота оппозиции. Самодержавие не понимало общественного стремления к реформам. Левые не понимали психологию самодержавия, его государственной жизненной сущности, его исторических заслуг» (Львов, 1998, с. 73, 75-76, 243).

В конечном счете возникала такая ситуация, при которой любая государственная деятельность расценивалась как заведомо аморальная. Как вспоминал кадет кн. В.А. Оболенский, молодое поколение не шло в чиновники, несмотря на высокий спрос на образованных людей в государственных структурах. Мемуарист отмечал: «Мы рассуждали так: власть правительства враждебна народу. Поэтому всякий чиновник, находящийся на государственной службе, хотя бы и общепольной, в конечном счете приносит вред народу уже тем, что усиливает правительственную власть. Кроме того, мы видели перед собой целый ряд примеров того, как люди самых левых убеждений, поступив на государственную службу, постепенно привыкали к компромиссам и теряли свой оппозиционный пыл». Молодой человек мог идти в науку и преподавание, литературу, искусство или «общественную деятельность», но непременно

но оппозиционную или революционную (Оболенский, 1998, с. 102). Новое поколение, по собственному признанию, выросло с редким «государственным простодушием» (Тыркова-Вильямс, 1998, с. 212). Будущее представлялось свободным от всякого государственного насилия. Известный экономист М.И. Туган-Барановский рисовал такую картину: «Все будут свободны. Не забывайте, что люди учатся летать. При развитии авиации полицейское государство не может существовать. Воздух не знает ни границ, ни паспортов» (Тыркова-Вильямс, 1998, с. 233).

Подобный взгляд сохранялся и позднее. Безусловно, интеллигенция, включая самих радикальных либералов, не могла не признавать силу российского бюрократического аппарата. Даже в период политического кризиса 1915 г. лидер кадетов П.Н. Милюков отмечал, что за правительством «стоит весь громадный, хотя и неуклюжий, но все же налаженный на работу чиновничий механизм с его традицией и рутинной»². Однако она не смогла решить поставленных задач в силу мертвого и бессмысленного формализма. Отзываясь о смете государственного бюджета, кадетский оратор А.И. Шингарев, заявлял: «Декларация председателя Совета министров напоминает мне слова Гончарова, сказанные о русской государственности в 1847 году: одни колеса и пружины, живого дела нет». «Надругательство над русским человеком есть ремесло русского правителя», – возмущал кадет Ф.И. Родичев. Подводя итог, он приходил к выводу: «Мы остаемся в дураках перед всеми, кто говорят: с этой властью иначе, как насилием, ничего не поделаешь»³.

2 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН. 2000. С. 124.

3 Россия. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 4. Сессия 1. Ч. 1. СПб.: Государственная типография. 1913. [Стб. 451, 1506, 1513-1514.

Радикальные либералы никогда не рассматривали возможности стратегического сотрудничества с правительством. Кадеты неизменно отказывались входить в какой-либо коалиционный кабинет с бюрократами. Сразу после издания манифеста 17 октября 1905 г. и провозглашения на следующий день кадетской партии состоялась встреча новоявленного премьер-министра гр. С.Ю. Витте с представителями радикальных либералов Ф.Ф. Кошкиным, Ф.А. Головиным и кн. Г.Е. Львовым. Витте пытался заручиться их поддержкой и пополнить с помощью них формируемый кабинет, но услышал лишь революционное требование созыва парламента для выработки конституционного закона. Если по мысли Витте манифест должен был стать почвой для компромисса с либералами, то те, в свою очередь, требовали политической капитуляции своего исторического противника. Бюрократия должна была образовать «технический кабинет», подготовить и организовать выборы в парламент и сложить свои полномочия к его ногам. Сами кадеты предполагали сосредоточиться на думских выборах (Милуков, 1991, с. 216-225).

Особенности восприятия исторической государственности и бюрократического аппарата радикальными либералами определяли их представления о себе и перспективах развития России. Представители конституционно-демократической партии, составляя цвет российской интеллигенции, исходили из идеи собственного интеллектуального превосходства над всей страной. Такому взгляду совсем не мешала обозначенная выше деловая не-

состоятельность, которую кадеты нередко проявляли. В кадетском руководстве, скажем, вполне искренне могли позволить себе следующее высказывание на партийном форуме: «Без кадетской партии наша страна была бы похожа на Турцию»⁴. При этом они рассматривали себя основными выразителями ее интересов – причем в целом, а не отдельных групп или классов, за которые боролись иные партии. Кадеты видели себя провозвестниками того неизбежного будущего, которое рано или поздно наступит, поскольку уже воплощается в жизни передовых стран мира. Партийная программа кадетов была набором таких идеальных принципов, она была скорее декларацией и орудием пропаганды, чем непосредственным руководством к действию. Практически каждый партийный законопроект нес на себе печать этого подхода, что в третьеиюньский период предопределило нигилистическое отношение к текущему законотворческому процессу: инициативы кадетов не соответствовали реалиям государственного строя, а когда в марте 1917 г. он перестал существовать, неожиданно выяснилось, что у партии почти нет проработанных проектов законов.

Оппозиционеры осознавали те опасности, которые могли возникнуть в случае прихода к власти оппозиции. Как говорил на кадетской партийной конференции Н.А. Гредескул, выйдет «дилетантское министерство, лишенное деловых навыков и непривычное к политической работе в условиях обладания властью»⁵. Шингарев открыто признавал: «Как бы мы ни желали придать делу снабжения новые навыки, новые приемы управления и проч., как

4 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН. 2000. С. 287. Фраза А.В. Тырковой.

5 Там же. С. 276-277.

бы ни желательным было оставить его свободным от пут бюрократической рутины, всего этого нельзя достичь обособлением его от существующих органов государственной власти»⁶. Реальные способности партии принять участие в государственном управлении проявились в период кризиса лета 1915 г. В кадетском ЦК были подготовлены проекты создания «Союза национальной обороны» и непосредственного подчинения всей системы государственного управления Государственной думе. Однако они не были реализованы по причине своего утопизма, что оказалось вполне очевидно самой кадетской верхушке. Войдя в состав Особых совещаний – координационных органов, объединявших представителей правительства, парламента и общественных организаций для управления тылом в период Первой мировой войны, кадеты так и не смогли принять деятельного участия в их работе, в чем неоднократно признавались в собственном кругу. Участие в совещаниях имело политический характер. Попытки организовать параллельные экономические совещания под собственной эгидой оказались неудачными (Гайда, 2003, с. 90-93, 127-128, 158-159). В конечном счете, для того, чтобы пробить «стену отчуждения» и «стену мертвящей рутины»⁷, приходилось прибегать к активизации политической борьбы даже в условиях тяжелейшей войны. Применение легальных методов борьбы (в отличие от социалистов, совмещавших их с нелегальными) не означало сговорчивости либералов. Знаменитая милюковская речь «Глупость или измена?», произнесенная в Думе 1 ноября 1916 г. и многими воспринимавшаяся как «штурмовой сигнал револю-

ции», отнюдь не была связана с сиюминутными настроениями; за ней стояло целое мировоззрение.

Конституционные демократы выступали сторонниками парламентарного строя, при котором именно парламент становился центром всей политической и государственной жизни. Выборы предполагались на основе «четырёххвостки» – всеобщими, равными, прямыми и тайными. Когда кадетская партия принимала свою программу, подобные принципы на общенациональном уровне не были реализованы ни в одной стране мира (первой их провозгласила Норвегия в 1913 г., второй – Дания в 1915 г., третьей стала Россия в 1917 г.). Наличие в России трех четвертей неграмотного населения препятствием не считалось. Кадеты также выступали за однопалатный парламент, против создания какой бы то ни было «аристократической» или назначаемой сверху второй палаты. Партия также не была принципиальной сторонницей сохранения монархии, считая это вопросом второстепенным и связанным с текущей конъюнктурой. Большинство полностью разделяло «крылатую фразу Тьера», которую приводил в своих мемуарах В.А. Маклаков: «Монархия будет демократической по целям, конституционной по форме, или ее вовсе не будет» (Маклаков, 1936, с. 521). Сразу после Февральской революции партия провозгласила себя республиканской. Однако левый кадет М.Л. Мандельштам тогда же отметил: «Многие из нас в 1905 г. входили в партию уже республиканцами – республиканцам было дано место. <...> Мы входили в конституционно-демократическую партию потому, что вопрос о республике должен был решиться не в партий-

6 Речь. 10 июля 1915 г.

7 Русские ведомости. 20 августа 1915 г.

ных дебатах, не путем голосования, а путем силы, вышедшей на улицу»⁸.

Отношение к революциям также было прагматическим. «Партия создавалась, чтобы бороться *против самодержавия*... В своей собственной среде конституционно-демократическая партия революционной идеологии не исключала [выделено в тексте – Ф.Г.]», – вспоминал Маклаков (Маклаков, 1936, с. 483). По результатам революционных событий 1905 г. Милюков заключал: «Мы хорошо понимаем и вполне признаем верховное право революции как фактора, создающего грядущее право в открытой борьбе с историческим правом отжившего уже ныне политического строя. <...> Да, мы за революцию, поскольку она служит целям политического освобождения и социальной реформы; но мы против тех, кто объявляет революцию «непрерывной», потому что полагаем, что непрерывная революция – революция во что бы то ни стало – служит лишь целям реакции и укрепляет контрреволюционные замыслы правительства» (Милюков, 1907, с. 165, 168). Заявляя о наличии у партии «друзей слева», она так никогда официально не осудила революционного терроризма.

Экономическая программа кадетов была нетипична для классического европейского либерализма. В ней отсутствовал принцип неприкосновенности частной собственности (предполагалась передача крестьянам части помещичьей земли за умеренный выкуп). При этом провозглашался принцип восьмичасового рабочего дня. Кадетскую партию нельзя назвать буржуазной. Отношения с буржуазными кругами традиционно были натянутыми, причем эта проблема не была пре-

одолена даже в условиях большевистской угрозы осенью 1917 г. (Селезнев, 2006, с. 163-168) Таким образом, уже с момента возникновения кадетская партия стала органичной частью русского освободительного движения, занимая крепкие позиции на его правом фланге. Даже оба официальные названия – «Конституционно-демократическая партия» и «Партия Народной Свободы» – создавали четкую параллель с социал-демократией и знаменитой «Народной волей».

Лидером партии и основным разработчиком ее политического курса быстро стал П.Н. Милюков. Он обладал острым, но догматическим умом и свято верил в непреложные законы развития человечества, против которых бессильны хаотические усилия отдельных индивидов. Такие взгляды привели Милюкова к расхождению со своим учителем – известным историком В.О. Ключевским, который не пожелал видеть ученика преемником на кафедре русской истории в Московском университете (Милюков, 1907, с. 122; Макушин, Трибунский, 2001, с. 32, 327-330). Милюков разрабатывал тактику партии исходя из тех примеров, которые он черпал из европейского и отчасти российского исторического опыта. Задачей историка-политика стало сокрушить «старый порядок» с минимальными политическими издержками, поскольку масштабные революционные эксцессы были чреваты последующим разгулом реакции. Поэтому борьба за освобождение России велась «по-научному» (Гайда, 2010, с. 37-44).

Основными средствами борьбы для кадетов были парламентская трибуна и печать (по своему масштабу кадетская и околокадетская пресса превос-

8 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 2. М.: РОССПЭН. 2000. С. 390.

ходила возможности любых российских партий). Критические выступления кадетских ораторов в отношении власти обычной строились на разборе частных недостатков с переходом к общим политическим выводам о несостоятельности правительства и необходимости коренного преобразования государственного строя. На общем фоне были и исключения, однако, например, стилистика В.А. Маклакова, нередко пытавшегося искать пути компромисса с правительством, часто воспринималась в партийной среде как излишне консервативная. Трибуна и печать также выступали орудиями политического просвещения страны. Деловая активность (в земстве, кооперации, общественных организациях) часто ставилась на второй план (Гайда, 2003, с. 51, 58-60, 85-86, 92, 157-159, 163-164, 190-191, 194-195, 209).

«Звездным часом» парламентской активности партии стала I Государственная дума. Партия одержала решительную победу на первых в истории страны парламентских выборах и, взяв под контроль палату и ее президиум, повела решительное наступление на правительство. Дума призвала власть к объявлению всеобщей политической амнистии (в том числе для бомбистов) с одновременным привлечением к суду «карателей», а сама принялась за разработку земельного закона. Законопроект устанавливал лишь общие принципы реформы (нормы отчуждения земли, размеры выкупа), все детали должны были определить уездные комиссии, формируемые из чиновников и представителей местного самоуправления, помещиков и крестьян⁹. Таким образом, на местах создавался мощные

очаги гражданского противостояния, а крестьянское движение в таких условиях должно было не сойти на нет, а лишь получить дополнительный стимул для роста. В случае сопротивления правительства кадеты не исключали превращения парламента в Учредительное собрание. После роспуска Думы партия инициировала Выборгское воззвание с призывом к мирному сопротивлению (уклонению от выплаты налогов и исполнения всеобщей воинской повинности), однако страна на него не отзывалась. Расчет на то, что она всемерно поддержит «избранных народа», пошел прахом¹⁰. В период II Думы премьер П.А. Столыпин предлагал кадетской партии легализацию, рассчитывая на превращение ее в конструктивную оппозицию, но в ответ предлагал публичное осуждение терроризма и, тем самым, размежевание с социалистами. И.И. Петрункевич убедил П.Н. Милюкова в том, что такой шаг стал бы стратегическим поражением. Соглашение не состоялось (Милюков, 1907, с. 281-282). Дума была вновь распущена, но на этот раз с изменением избирательного закона. Столыпин сделал ставку на октябристов.

Новый стратегический успех был достигнут кадетами уже в IV Государственной думе, где летом 1915 г. был создан Прогрессивный блок (в него вошло большинство думских фракций, а также представители Государственного совета). Декларация блока включала требования создания «министерства доверия», отставки непопулярных высокопоставленных чиновников, политической амнистии, отмены национальных и религиозных стеснений, проведения ряда реформ. Цен-

9 См.: (Речь Н.Н. Кутлера..., 1907).

10 См.: (Милюков, 1907, с. 265-269, 274); Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН. 2000. С. 218, 225, 230-231, 348-349.

тральным был пункт о формировании правительства из лиц, которые могли бы претендовать на общественное доверие. При этом никакой конкретизации не следовало, блок вплоть до февраля 1917 г. так и не смог создать единого списка кандидатов на министерские посты. Последующие назначения нередко осуществлялись властью именно с оглядкой на требование блока, однако видимой поддержки со стороны парламентского большинства никому из назначаемых так и не было оказано. Поведение Думы стало одним из основных факторов «министерской чехарды». Когда на ключевой в правительстве пост министра внутренних дел был назначен представитель самого блока товарищ (заместитель) председателя Государственной думы А.Д. Протопопов, сам этот шаг был сразу воспринят как провокация, направленная на раскол рядов оппозиции (Гайда, 2003, с. 124-128, 221-227). На нее блок, а в первую очередь кадетская партия ответили резким усилением критики власти, что наиболее ярко выразилось в милюковской речи 1 ноября. В дальнейшем партия ожидала действий «улицы». Прекрасно помня историю Выборгского воззвания, кадеты не прибегали к открытому революционному призыву, но вне революционного исхода развитие ситуации уже не мыслили. На заседании московского городского комитета кадетской партии в январе 1917 г. М.Л. Мандельштам предложил П.Н. Милюкову на открытии Думы провозгласить ее Учредительным собранием, на что Милюков ответил: «Мы это сделаем, если у Таврического дворца [резиденции Государственной

думы – Ф.Г.] мы будем иметь несколько полков»¹¹. Кадетский думский оратор М.С. Аджемов обращался к власти с угрозой, что «народ пощады не даст»¹².

Программа первого состава Временного правительства предполагала реализацию освободительных принципов и широкую демократизацию политического строя России. Правительственная декларация полностью укладывалась в партийную программу кадетов. Именно они стали главными разработчиками законодательства Временного правительства, в том числе и закона о выборах в Учредительное собрание. Новая революционная власть предпочла избавиться от зависимости со стороны Государственной думы, поскольку это учреждение было избрано на основе третьеиюньского избирательного закона. При этом были установлены прочные контакты с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, а позднее и с ВЦИК советов (Гайда, 2003, с. 303-304, 321-330).

По мнению кадетов, после победы революции принципы государственного управления должны были радикально измениться. В декларации Временного правительства отмечалось: «В основу государственного управления оно полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе»¹³. В период Апрельского кризиса Тыркова пыталась напомнить Милюкову, что «у всякой власти существуют классические методы властвования»; на что он «вспыхнул и ответил ей: «лучше я потеряю власть, но таких методов приме-

11 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН. 2000. С. 465.

12 Россия. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв 4. Сессия 5. Ч. 1. Петроград: Государственная типография, 1917. Стб. 1219.

13 Вестник Временного правительства. 26 апреля 1917 г.

нять не буду»» (Борман, 1964, с. 128). Ликвидировалась административная вертикаль, упраздняясь полиция. Бывшим полицейским чинам был закрыт доступ в ряды добровольной народной милиции, которая подчинялась не правительству, а органам местного самоуправления. Местная власть передавалась в руки самого общества, объединенного «узами любви и всеобщего братства»¹⁴. Временное правительство было связано с местным уровнем лишь посредством своих губернских и уездных комиссаров. Назначаемый губернский комиссар надзирал за «законностью и целесообразностью» действий органов местного самоуправления и мог опротестовать их решения их в местном суде (хотя на практике судебная система была парализована). Кандидатура уездного комиссара утверждалась правительством по рекомендации уездного исполкома общественных организаций¹⁵. Новая система была не только слишком хрупкой, но даже в этом виде она функционировала далеко не всегда и не везде (Гайда, 2003, с. 348-349).

Экономическая политика Временного правительства не имела буржуазного характера, сочетая тенденции к росту государственного регулирования и общественного контроля. Обе тенденции имели скорее социалистический характер. Министр земледелия Шингарев ввел государственную хлебную монополию и инициировал закон, по которому все земли сельскохо-

зяйственного назначения передавались под контроль общественных земельных комитетов. Вступивший в 1917 г. в кадетскую партию министр торговли промышленности А.И. Коновалов согласился с введением восьмичасового рабочего дня на частных фабриках Петрограда и принял соответствующее решение в отношении казенных (в том числе военных) заводов. Сменивший его управляющий министерством торговли промышленности кадет В.А. Степанов создал Главный экономический комитет – орган верховного регулирования экономики. Став министром финансов, Шингарев добился законов о прогрессивном налоге и налоге на сверхприбыль. Министр путей сообщения кадет Н.В. Некрасов ввел профсоюзный контроль над железными дорогами. На кадетском партийном съезде Некрасов заявил: «Основной вопрос заключается сейчас в том, чтобы идею революции, торжества демократии, идею народовластия провести возможно скорее во всех возможных ее формах»¹⁶. На практике ни одна из этих мер не оказалась эффективной, в обстоятельствах безвластия они скорее они лишь провоцировали дальнейшую децентрализацию, анархию и конфликтность¹⁷. Экономическая политика Временного правительства была подвергнута резкой критике I Всероссийским съездом представителей промышленности и торговли, но к изменению правительственного курса это не привело¹⁸.

14 Февральская революция. 1917. Сб. документов и материалов. Под ред. А.Д. Степанского и В.И. Миллера. М.: РГГУ, 1996. С. 277.

15 Временное правительство. Министерство внутренних дел. Цирюляры министерства внутренних дел. Вып. 1. Петроград: Государственная типография, 1917. С. 7-8; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).Ф. 1788. Оп. 2. Д. 6. Л. 12-15; Оп. 3. Д. 33. Л. 14-21; Оп. 6. Д. 5. Л. 50-57.

16 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН. 2000. С. 473.

17 Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. Под ред. Л.С. Гапоненко. М.: Издательство АН СССР. 1957. С. 432-434.

18 Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. 19-22 марта 1917 г. Стенографический отчет и резолюции. М.: Типография товарищества Рябушинских. 1918. С. 167-168, 230-231.

Серьезно эволюционировала в 1917 г. и партийная программа кадетов. VII съезд партии в марте единогласно провозгласил основной задачей установление в России «демократической парламентской республики». Докладчик Ф.Ф. Кокоскин отмечал: «Республика фактически уже существует»¹⁹. Майский VIII съезд принял принцип полновластия органов местного самоуправления на местах²⁰. Партия также поддержала создание коалиционного правительства. Лишь в августе, накануне Корниловского выступления, партийная верхушка поставила вопрос об укреплении государственной власти. Предлагалось на короткий срок ввести военную диктатуру с последующей передачей власти Учредительному собранию. Но и в этом случае ЦК так и не принял конкретной резолюции. Даже в условиях большевистской угрозы кадеты так и не смогли наладить прочных отношений с возможными политическими союзниками – офицерством, буржуазией, духовенством. Частично это произошло лишь в годы гражданской войны. Наоборот, в 1917 г. происходило смещение кадетской идеологии влево. На VII съезде партии основной докладчик Ф.Ф. Кокоскин отмечал: «Мы <...> стали на почву социалистического мировоззрения, не того, конечно <...> которое считает возможным изменить экономический строй путем насильственным, путем захвата политической диктатуры, а на почве того мировоззрения, которое полагает, что человечество постепенно вращается в новый социальный строй»²¹. VIII ка-

детский съезд принял принцип трудового землепользования (предполагался принудительный государственный выкуп с учетом «нормальной доходности» земли)²².

Иным образом сложилась судьба другой либеральной партии России – октябристской. У ее истоков стоял известный московский земский деятель Д.Н. Шипов. Находясь под сильным впечатлением от учения Л.Н. Толстого (крайне популярного в те годы), Шипов выступал против бюрократического диктата, но не поддерживал идеи ограничения самодержавия. Кроме того, по мнению общественного деятеля, развитие Запада было связано с эгоистическим началом и потому также было неприемлемо. По этой причине Шипова нередко считали «славянофилом», что сам он отрицал. Не принимая революционного насилия, Шипов изначально надеялся на то, что Россия сможет его избежать. В 1902 г. в частном письме он признавался: «Та нравственная идея, которая живет в душе и сердце русского народа, явится истолковательницей общемирового смысла жизни. Великий гений Толстого из общения с народом понял эту идею и явился ее выразителем и возвестителем. <...> В будущем она, я уверен, поможет России выработать общественный и государственный строй, более отвечающий благу общему, чем жизнь Западной Европы с ее капитализмом и борьбой личных и классовых интересов. <...> Этот переворот совершится в России без кровопролития и насилия, как это было в Европе» (Шелохаев, 2010, с. 221).

19 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН. 2000. С. 372.

20 Там же. С. 661-668.

21 Там же. С. 369. См. также: (Кизеветтер, 1917; Изгоев, 1917)..

22 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Отв. ред. В.В. Шелохаев. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН. 2000. С. 654-657.

После избрания председателем московской губернской земской управы Шипов выступил организатором всего земского движения, собирая не дозволяемые властью неформальные совещания председателей земских управ. В преддверии приближавшейся революции власть пошла на уступки земцам, дав согласие на созыв ноябрьского съезда 1904 г. Предполагалось заключить соглашение с «шиповцами». Однако на самом съезде верх взяли радикальные настроения. Большинство проголосовало за резолюцию, в которой говорилось о созыве законодательного парламента и всеобщем избирательном праве. Тем самым, более умеренный Шипов терял контроль над земским движением – оно перешло к будущим кадетам. Однако после выхода манифеста 17 октября, когда от имени самого монарха было возведено о создании парламента, Шипов перешел на парламентаристские позиции. По его инициативе была создана умеренно-либеральная партия «Союз 17 октября», выступавшая за сотрудничество с властью на реформистской платформе (Шипов, 1918, с. 258-290, 391-422).

По сути, основная масса партийцев состояла из напуганных русским бунтом помещиков и торгово-промышленников. Именно поэтому они были готовы на компромисс с таким правительством, которое смогло бы силой обуздать революцию и путем ряда реформ постараться предотвратить ее в будущем. Когда новый премьер П.А. Столыпин ввел военно-полевые суды и провозгласил аграрные преобразования, большинство октябристов активно его поддержало. Это противоречило принципам Шипова и он покинул партию.

Новым лидером стал А.И. Гучков. Под октябристов Столыпиным был подготовлен третьеиюньский переворот (изменение избирательного закона в одностороннем порядке), в результате которого проправительственные октябристы получили большинство в III Думе. Гучков одобрял переворот исходя из прагматичных и либеральных соображений: «Акт 3-го июня был спасением для Г. Думы. <...> Только благодаря этой реформе избирательного закона представительный строй России пустил глубокие корни»²³.

Октябристы действительно впервые в истории российского парламентаризма смогли наладить плодотворный законодательный процесс. Однако партия претендовала на самостоятельность и видела Думу серьезным инструментом влияния на монарха и правительство. В первую очередь это касалось оборонной и церковной сфер, которые подвергались серьезной критике, болезненно воспринимавшейся при дворе. Однако партийный лидер Гучков демонстративно проявлял принципиальность: «Нас называют правительственной партией и упрекают в угодничестве. Но <...> работа в Гос. Думе – прямое опровержение этого упрека. <...> Не осталось ни одного темного уголка правительственной деятельности, который не был бы беспощадно и ярко освещен представителями нашей партии. И мы боролись не только с правительством: рядом с правительством и над ним мы указали наличных вредных темных сил, очень влиятельных и безответственных»²⁴. В конечном счете действия Гучкова привели его в начале 1911 г. к острому личному конфликту с Николаем II (Поливанов, 1924, с. 110).

23 Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905-1915 гг. В 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН. 2000. С. 82, 334.

24 Там же. С. 85.

После смерти Столыпина Гучков не смог установить прочных отношений с новым премьером В.Н. Коковцовым и заручиться его поддержкой на предстоявших в 1912 г. думских выборах, после чего партия приняла решение перейти в оппозицию. В январе 1912 г. октябристская газета «Голос Москвы» начала резкую кампанию против «хлыста Гришки Распутина». С.Ю. Витте отмечал: «Весь поход, затеянный лабазником Гучковым, метит гораздо выше. <...> Для всех, у кого ум не затемнен страстями, ясно, что речь идет не о Распутине, а о колебании монархии в России»²⁵. Но на думских выборах без правительственной поддержки партия провалилась. Гучков не был избран московскими купцами, которые надеялись увидеть в нем лоббиста собственных интересов и были разочарованы. В ответ партийный лидер обвинил власть в реализации «грандиозного плана фальсификации выборов». Однако подобная активность нашла поддержку лишь у части партийцев. В 1913 г. и без того сократившаяся вдвое фракция раскололась на две части: гучковцев (левых октябристов) и умеренных (земцев-октябристов). Оппозиционная либеральная пресса по этому поводу замечала: «Октябристский кот Васька слушает гучковскую речь и продолжает есть из правительственного корыта...»³⁸. Однако партия как единая структура окончательно рассыпалась. Октябристские фракции в 1915 г. вошли в Прогрессивный блок, но это объединение оказалось декларативным: за полтора года его существования входящие в него силы не смогли согласовать большей части законопроектов из собственной программы (Гайда, 2003, с. 207-218, с. 247-248).

Начавшаяся Первая мировая война привела к новой активизации Гучкова. Летом 1915 г. благодаря связям в военных кругах он был избран председателем созданного Центрального военно-промышленного комитета. Военно-промышленные комитеты, наряду с Всероссийским земским союзом и Всероссийским союзом городов (Земгор), стали мощными и влиятельными общественными организациями, появившимися в первый год войны. Власть, предполагая единение с общественностью на патриотической платформе, предоставила организациям щедрое финансирование без какой-либо отчетности. Внутренняя дисциплина в общественных организациях была крайне низкой, то же самое можно сказать и об их эффективности. Например, военно-промышленные комитеты к январю 1917 г. выполнили лишь около 6 – 7% полученных заказов (Маевский, 1957, с. 86-93). Тем не менее, организации ставили перед собой и оппозиционные политические задачи. В.А. Маклаков, сотрудник Земгора, вспоминал: «Общественность помогала войне, <...> привлекая те силы, которых у правительства не было; <...> но наряду с простым «патриотизмом» у нее было стремление воочию показать **преимущество** «общественной» работы над «бюрократической». Вся работа союзов была поэтому работой и политикой. <...> В эпоху войны союзы жили тогда на **государственные** ассигнования, все их деньги шли от **правительства**», но «никто этого знать не хотел; комфорт и удобства земских санитарных отрядов и госпиталей сопоставлялся с бедностью казенной военной санитарии, которой приходилось обслуживать все, а не только то, что они **выбирали** [выделено в тексте –

25 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 564. Л. 818. Гр. С.Ю. Витте – епископу Варнаве (Накропину). 13 марта 1912 г.

26 А.И. Гучков. *Утро России*. 10 ноября 1913 г. [Utro Rossii, 10 nojabrja 1913 g. (Morning of Russia, November 10, 1913)]

Ф.Г.]» (Маклаков, 1936, с. 130-131). Сотрудник Земгора знаменитый философ кн. Е.Н. Трубецкой в частном письме описывал настроения общественности: «Все верят в победу и никто не верит правительству. <...> Вернется армия из окопов; и тогда мы доберемся до наших внутренних немцев (то есть до правительства)»²⁷.

Однако борьба с «внутренними немцами» началась уже в период войны. В декабре 1916 г. на съезде Земского союза кн. Львов произнес: «Оставьте дальнейшие попытки наладить совместную работу с настоящей властью! Они обречены на неуспех, они только отдаляют нас от цели. Не предавайтесь иллюзиям! Отвернитесь от призраков! Власти нет...» (Шляпников, 1923, с. 109). Гучков действовал иными методами: всячески демонстрируя свою активность по подготовке военного заговора. По свидетельству знакомой политика кн. Л.Л. Васильчиковой, он «с поистине изумительной откровенностью провозглашал это мнение в каждой гостиной» и расписывал возможность арестовать Императора во время его переезда из Ставки в Царское Село» (Васильчикова, 1995, с. 350-351). Прессе Гучков заявлял: «Что будет дальше – для меня ясно, но что именно – пока я не считаю возможным высказать в печати»²⁸. Слухи о грядущем военном перевороте сыграли важную роль в победе Февральской революции: генералитет был готов вести переговоры с Гучковым и его политическими союзниками, считая происходящее спланированной и контролируемой акцией. Однако, став военным министром, Гучков не оправдал надежд. По подозрению в монархических настроениях им было отправлено

в отставку 60% высших офицеров действующей армии (в частности, 8 командующих фронтами и армиями, 35 из 68 командиров корпусов и 75 из 240 начальников дивизий) (Кавтарадзе, 1957, с. 113). Однако вскоре сам он проникся пессимизмом по поводу боеспособности войск и в апреле 1917 г. добровольно подал в отставку (Гайда, 2003, с. 319-320).

В целом российский либеральный политик начала XX в. так и не смог выйти из амплуа идеалиста-оппозиционера и стать способным к признанию существующих реалий и необходимости компромиссов. Обычно они воспринимались как признак бессилия или аморальности. Если это все же происходило, то было тактическим приемом, направленным на безоговорочную победу в будущем. Политические схемы и идеалы воспринимались как ценность более существенная, чем «постылая реальность». Себя либералы воспринимали как единственную силу, способную ввести Россию на верный, «цивилизованный» путь. Иного пути, как предполагалось, и нет, поэтому при любых обстоятельствах либеральное движение должно было сохранить свою ведущую роль. Весной 1917 г. либеральная оппозиция смогла одержать победу над историческим врагом – самодержавием – но, как показала ближайшая перспектива, у власти осталась совсем не надолго. Слом государственной машины, которую и сами либералы не собирались сохранять, сразу привел их к поражению. Оказалось, что именно государство является единственным гарантом существования в России либерального движения.

27 Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 171. Папка 8. Ед. хр. 2 б. Л. 40 – 40 об.

28 Гучков А.И. О текущем моменте. Русское слово. 23 декабря 1916 г.

Список литературы

Васильчикова Л.Л., кн. (1995). *Исчезнувшая Россия. Воспоминания кн. Лидии Леонидовны Васильчиковой. 1886-1919*. СПб.: Петербургские сезоны. 543.

Гайда Ф.А. (2003). *Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.)*. М.: РОССПЭН. 432.

Гайда Ф.А. (2010). П.Н. Милюков: историк в политике. *Мыслицые миры российского либерализма: Павел Милюков (1859-1943). Материалы Международного научного colloquium (Москва, 23-25 сентября 2009 г.)*. М.: Любавич. 37-44.

Градовский А.Д. (2001). *Сочинения*. СПб.: Наука. 512.

Изгоев А.С. (1917). О буржуазности. *Вестник Партии народной Свободы*, (1), 8-9.

Кавтарадзе А.Г. (1967). Июльское наступление русской армии в 1917 году. *Военно-исторический журнал*, (5), 111-117.

Кизеветтер А.А. (1907). *Партия Народной Свободы и ее идеология*. М.: Народное право. 29.

Львов Г.Е., кн. (1998). *Воспоминания*. М.: Русский путь. 318.

Маевский И.В. (1957). *Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны*. М.: Госполитиздат. 392.

Маклаков В.А. (1936). *Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника)*. Париж: Журнал «Иллюстрированная Россия». 610.

Макушин А.В., Трибунский П.А. (2001). *Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859-1904)*. Рязань: НРИ-ИД. 439.

Милюков П.Н. (1907). *Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906*. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза». 568.

Милюков П.Н. (1991). *Воспоминания*. М.: Политиздат. 528.

Оболенский В.А., кн. (1988). *Моя жизнь, мои современники*. Париж: УМСА-Press. 754.

Петрункевич И.И. (1993). Из записок общественного деятеля. *Архив русской революции: В 22 т. Т. 21-22*. М.: ТЕРРА. 424.

Поливанов А.А. (1924). *Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907-1916. Т. 1*. М.: Высший военный редакционный совет. 240.

Речь Н.Н. Кутлера и земельный проект Партии Народной Свободы. (1907). СПб.: Вестник народной свободы. 16.

Селезнев Ф.А. (2006). *Конституционные демократы и буржуазия (1905-1917 гг.)*. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 277.

Чичерин Б.Н. (1998). *Философия права*. СПб.: Наука. 655.

Шелохаев С.В. (2010). *Д.Н. Шипов: личность и общественно-политическая деятельность*. М.: РОССПЭН. 339.

Шипов Д.Н. (1918). *Воспоминания и думы о пережитом*. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых. 592.

Шляпников А.Г. (1923). *Канун семнадцатого года. Ч.2*. М.; Петроград: Госиздат. 138.

References

Chicherin B.N. (1998). *Philosophy of Law*. Sankt-Petersburg: Nauka. 655.

Gaida F.A. (2003). *The Liberal Opposition on the Road to Power (1914 – spring 1917)*. Moskva: ROSSPEN. 432.

Gaida F.A. (2010). P.N. Milyukov: a historian in politics. *Thinking worlds of Russian liberalism: Pavel Milyukov (1859-1943). Materials of the International Scientific Colloquium (Moscow, September 23-25, 2009)*. Moskva: Lyubavich. 37-44.

Gradovskii A.D. (2001). *Collected works*. Sankt-Petersburg: Nauka. 512.

Izgoev A.S. (1917). *About bourgeoisness*. Vestnik Partii narodnoi Svoobody, (1). 8-9.

Kavtaradze A.G. (1967). The July Offensive of the Russian Army in 1917. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, (5). 111-117.

Kizevetter A.A. (1907). *The Party of People's Freedom and its Ideology*. Moskva: Narodnoe pravo. 29.

L'vov G.E., kn. (1998). *Memories*. Moskva: Russkii put'. 318.

Maevskii I.V. (1957). *Economics of Russian Industry in the Conditions of the First World War*. Moskva: Gospolitizdat. 392.

Maklakov V.A. (1936). *Power and the Public at the Decline of the Old Russia (the memoirs of a contemporary)*. Paris: Zhurnal "Illyustrirovannaya Rossiya". 610.

Makushin A.V., Tribunskii P.A. (2001). *Pavel Nikolaevich Miliukov: works and days (1859-1904)*. Ryazan': NRIID. 439.

Milyukov P.N. (1907). *The Year of Struggle. Publicist chronicle. 1905-1906*. Sankt-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". 568.

Milyukov P.N. (1991). *Memories*. Moskva: Politizdat. 528.

N.N. Kutler's *Speech and the Land Project of the People's Freedom Party*. (1907). Sankt-Petersburg: Vestnik narodnoi svoobody. 16.

Obolenskii V.A., kn. (1988). *My life, my contemporaries*. Paris: YMCA-Press. 754.

Petrunkevich I.I. (1993). From the Notes of a Public Activist. *Archive of the Russian Revolution: in 22 volumes. Vol. 21-22*. Moskva: TERRA. 424.

Polivanov A.A. (1924). *From the diaries and memoirs of the military minister and his assistant. 1907-1916. Vol. 1*. Moskva: Vysshii voennyi redaktsionnyi sovet. 240.

Seleznev F.A. (2006). *Constitutional Democrats and the Bourgeoisie (1905-1917)*. Nizhnii Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 277.

Shelokhaev S.V. (2010). *D.N. Shipov: personality and socio-political activity*. Moskva: ROSSPEN. 339.

Shipov D.N. (1918). *Memories and Thoughts about the Experience*. Moskva: Izdatel'stvo M. i S. Sabashnikovykh. 592.

Shlyapnikov A.G. (1923). *The Eve of the 1917. Part 2*. Moskva; Petrograd: Gosizdat. 138.

Vasil'chikova L.L., kn. (1995). *Disappeared Russia. Memoirs of Prince Lydia Leonidovna Vasilchikova. 1886-1919*. Sankt-Petersburg: Peterburgskie sezony. 543.

Информация об авторе

Федор Александрович Гайда, доктор исторических наук, доцент, Исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119192, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский проспект, 27-4
fyodorgayda@gmail.com

About the Author

Fedor A. Gayada, Doctor of History, Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

27-4, pr. Lomonosovsky, Moscow, Russian Federation, 119192
fyodorgayda@gmail.com